

Библиотека
Лемко-Союза
Ч. 11.

ВАНЬО ГУНЯНКА

Правда о России

ТИПОГРАФИЯ ЛЕМКО-СОЮЗА
2490 PROFESSOR ST.

CLEVELAND, O.

1935

БИБЛИОТЕКА ЛЕМКО-СОЮЗА, Ч. 11.

ВАНЬО ГУНЯНКА

ПРАВДА О РОССИИ

ТИПОГРАФИЯ ЛЕМКО-СОЮЗА

2490 PROFESSOR ST.

CLEVELAND, O.

1935

2959

Правда о России

Чом ми интересуємся Россією?

НІЯКОМ другом державом, хоц их єст выше 80, світ так сьогодня не интересується, як Сов. Союзом. Бо Сов. Союзом интересуються не лем дипломаты, политики, економисты, генералы, капиталисты, географы, як всіма другими державами. Сов. Союзом интересуються рабочи маси цілого світа, интересуються всі угнетені народы. Интересуються зато, бо в Сов. Союзі примінена нова державна конституція, котра устрянят всяки кляссовы и национальны привилегии.

Што значыт кляссовы привилегии? Кляссовы привилегии мали, приміром, в старой Росии, дворяне-шляхта, духовенство и богаче. Тоты привилегированы кляссы могли жыти выгодно трудом бідной кляссы, трудом всей народной массы.

Привилегии национальны має народ в националистичнай державі, приміром в Польши польский народ, в Чехословакии чешский, в Югославии сербский, в Румынии румынский. Тоты сильнейши народы в тых державах учат так, што тоты державы их, они мают мати ліпше право до жытя в тых державах, як народны меншинства. Такы националистичны державы стараются тоты меншы народности в "своих" державах вынародовити, вынищыти. Або в "своих" колоніях, где они выкорыстуют т. з. малокультурны, нецивилизованы народы.

Такых кляссовых и национальных привилегий конституция Сов. Союза не признае. Конституция Сов. Союза установлена в интересі бідных народных масс и угнетеных народностей старой России. И потому бідны массы и угнетені народы цілого світа интересуються Сов. Союзом и смотрят на него, яко на свого будущого спасителя. Бідны

массы и угнетены народы світа вірят, што, коли при помочы той новой конституции Сов. Союз стане богатом и сильном державом, то он поможе им порвати несправедливы конституции, кляссовы и национальны привилегии, а установити таку саму конституцию, такы самы права, як в Сов. Союзі.

И потому то бідны робочы и угнетены народы так интересуются Сов. Союзом, потому так прислухуються каждой вісти, яка с той першой робочої державы приходит, и радуются вістям успіхов Сов. Союза, а смутяются, коли учуют о неудачах.

Мы, лемки, належыме до бідной кляссы. У нас ніт богачов капиталистов. Мы всі бідны. Наш народ, нашы братъя найбіднішы в Европі. У нашого народа дуже мало, и то найпланшой, каменистой землі, котра його выживити не може.

Мы народ угнетеный национально сильнішыма сусідами. Угнетаный віками пануючима народами в тых державах, до которых нас насилу присоєдинили. Мы так світом забыты, что коли по войні парцелювали империялисты Европу наново и при той новой парцеляции Европы от ока гарантевали меншинствам якы-такы национальны права, нашу лемковску територию ани не вспомнули. Нас якбы там не было. Нашу 650 русских сел на запад от Ужа и Сяна были записаны з єдной страны границі за словацкы, з другой за польски. И зато тепер з нами правительства тых держав совсім не рахуются, заводят свои школы, свою "культуру", переиначуют нас силом на свое. Кто опреся тому, того преслідуют.

Як видиме, то мы, лемки и бідны и народно угнетены. И уж тым самим мы должны интересуватися том державом, котра поставила за свою головну ціль и задачу — оборону и свободу бідных и угнетеных.

Кромі того мы мame ищы одну причину, котра змушат нас интересуватися ищы больше от других Сов. Союзом, бо тоту державу строит в огромном большинстві

народ славянский русский, нам найблизший. А кромі того мы находимся в таком положению, по причині бідности нашого краю, што велика часть нашего народа змушена глядати спасения в емigrации, а в Sov. Союзі огромны пространства урожайной землі, котра жде колонистов. Видов на нашу емigrацию в другы страны світа сего дня ніт, а хоцбы и были, то в Sov. Союзі наши емигранты будут чутися больше якбы у себе, в своїом краю, в своїй державі, среди своего народа, а в других странах світа будут чутися на чужыні.

Тото национальне родство з русским народом и тата надія на землю, тоты дві причыны зробили з нас, лемков т. з. "русофилов", або, як звыкли называть нас "самостийники" українці и "патриоты" поляки — "москвафилов". Том прозвивком они хотіли выразити свою ненависть к великорусскому народу, штучно вщеплену политиками. Нам, тото слово, тата прозвивка доказує, што лемкы интересувалися и старом, царском Россиом и стояли все за Россию инстинктовно, як штоси свое, найблизше. Мы так стояли за туту стару Россию, што тысячи из нас стратили за ю в часі войны жытя, тысячи томилися в тюрьмах. Мы любили Россию так, што многи политичны ошусты робили добрый бизнес на той нашей любви к России. Но мы слабо знали туту стару Россию, бо мы жыли в Австро-Венгрии. Знали зме, што Россия огромна держава, што в России велики обшары землі, што там много хліба, велики лісы. Тым, кому тоты обшары землі, тот хліб, тоты лісы належат, кто и як тым газдує, мы интересувалися мало, мы того сами не розуміли, а выяснити, поучыти нас, не было кому.

Пару слов о Старой Рссии.

Памятам русско-японску войну. Мы, лемкы, стояли по стороні России. Хотіли зме, чтобы Россия побідила. Но русска армия отступала и отступала. Японці взяли Порт-Артур. Затопили русский флот, розбили русску армию.

Припоминам собі одного старого лемка, што як японці взяли Порт-Артур, то тот старый лемко плакал, як мала дитина. Дост, што войну з Японією Росія програла, Росія, котра мала три раз больше народа от Японії, а што до землі и земного богатства, яке тата земля крыла, то ниякого поровнання быти не могло, о много раз больше Японії. Мимо того Россия оказалася слабша от Японії.

Пришла світова война. Мимо огромної територии, огромної армии, німці били Росію. Били русских, бо у русских не было того оружия, што было у німцев. В тюрьмі во Відні сиділ знаний чешский политик Др. Крамарж за своє руссофілство. Сиділи и наши. И просятся раз Крамаржа, што он думат, кто туту войну выграт, ци Германія и Австрія, ци Антанта до котрої належала и Россия? Крамарж на тото повідат, што выграт войну Антанта, але Россия войну програт.

Сегодня нам аж буде ясно, што Крамарж дуже добри предповіл, яко капиталистичний пророк. Но он втоды, в 1916 року, не предвиділ нияк Русской пролетарской Революции, а як предвиділ, то нияк не мог предвидіти єї успіха.

Крамарж виділ, што война затігатся, и што она пожерат огромны капиталы, которых побіждены центральны державы не будут в силі Антанти звернути. Ни німецкы колонії, ни тоты окравкы, котры могли Германію забрати, коштов страшной войны покрыти Антанти не могли. А ту треба было конечно дацым покрыти тоты кошта, бо иначе, хоц и побідят Германію, то саму войну програли. И так, як сегодня видиме, сталося. Хоц союзники побідили Германію, то войну програли, бо коштов той войны ніт чым покрыти.

Германія того предвиділа, и потому, при конці войны, посредством Іспанії, предложыла западным державам розділ России. Россия мала послужыти империялистам и капиталистам для покрытия огромных коштов світовой войны. То был єдиный выход для их капиталистично-империялис-

тичної системи: Взяти великих богатстви России и запрячы єй народы, чтобы отрабяли кошта их войны. Крамарж, сам капиталист, виділ тот єдиний выход и потому предпovіл, что западны державы выиграют, лем Россия програт.

Не треба собі представляти, что они непремінно ділили бы Россию так, як приміром колиси розділили Польшу, что каждой державі приділили фалат Польши и кажда держава присоєдинила тот фалат и розширила коштом Польши свои граници. Тепер империялисти и капиталисты знают того інакше робити. Они, на папери оставили бы т. з. національну Россию, лем поділили бы на свои сферы єй богатство. Они бы и царя оставили, або даякого Керенского тримали, на папери була бы "національна Россия", а єй богатства были бы в руках світових капиталистов. Богатствами России заплатили бы собі кошта войны. Россия стала бы таком жертвом, як, приміром, Китай.

А били царску Россию в остатных часах зато, бо в остатных войнах ріщали уж не храбры войска з винтовками и штыкими, як то было за часов Суворова, который приповідал своим войскам: "Пуля дура — штык молодец!" Тоты Суворовски и Кутузовски часы минули в початку XIX — з настал XX вік, коли вшытко рішат машина, сталь, техника, механизм — словом тяжка, желізна индустрія, которая єст фундаментом нового жыття, нового устройства народов на землі.

Царске правительство о индустрію не дбало. Розвитя индустріи, національной индустріи, не было в интересі царского правительства и упривилегиованих клясс царской России, шляхты и духовенства. З розвитком индустріи росне робоча клясса, которой царь, його правительство, шляхта и духовенство, страшно боялися. Они не могли дати собі рады з невеликыма группами робочых по містах, которы все бунтувалися против кривд им чиненых. Царске правительство и тоты упривилегиованы кляссы добри знали, что коли з розвитком индустріи взросне робоча клясса, то их скине и поставит свое, народне, робоче правительство.

Селянскай кляссы цар, шляхта и духовенство не боялися, бо селянска клясса была страшно темна, неграмотна, забобонна, духовенство прилагало всіх сил, чтобы селянску массу держати в темноті. Для ней попы вынаходили размаity чуда, новых и новых святых и их мощы, новы и новы отпустовы міста, новы адски страхи. И не дивно, что в старой царской России лем єдна часть "индустрии" перевысшила запад, а то будова церквей и монастырей. Нигде в світі столько и таких церквей и монастырей, як в России, не было.

В Ленинграді я мал случай осмотріти огромну будову Ісаакиевского Собора. Видно, что тым собором царське правительство хотіло превысшисти всі церкви во світі. Втоды, коли запад почал горячково розбудовувати индустрію, в XIX вікі, вся Россия ставила в Петербургу огромний храм. За всіх стран России звозили на тот храм материял и будували го 40 літ. Будувал го архитект француз. Коли почал будувати, брати фундамента, тому архітекту было всего 30 літ. А коли покончыл будову, то был уж 70 рочним старцом. В нагороду, кромі заплаты, царське правительство подарувало му totы материялы, котры остали от будовы, за котры он взял выше полтора миллиона золотых рублей.

Тота будова стояла 23 миллионы зол. рублей, что в половині XIX віка был огромный капитал, за котрый можна было не одну фабрику збудувати. Лем один образ, котрый выложеный дорогым, барвными каменями вместо малюнка, стоял 70 тыся зол. руб., а таких образов в том храмі десятки. Перше были то малюнки славных моляров, но малюнки почали псутися, так што постановили всі totы малюнки перерабляти на дорогу керамику и ишы не покончили той роботы до революции.

Слідами столиці шли другы міста, а за нима села, так што, як ём вспомнул, нигде, в ниякой державі, столько и таких величавых храмов, як в России, не было, не было столько владык, духовенства, монахов. Мимо того,

коли пришла японска, а потом страшна світова война, ниякого чуда не было, войну выграли погане японці, а потом громили русске православне воинство безбожники німці. О оружие треба было просити другы державы, индустрияльны державы, заграничных капиталистов, котры за дороги гроши давали лихе оружие и лиху амуницию и разом плянували собі, як послі разгрома России захватят ей богатства и запряжут народы России розрабяти тоты богатства для себе.

Русска Революция.

Но коли они так собі плянували, росла, кріпла русска партія большевиков, под руководством Леніна, генияльного вождя бідного народа, человека, котрый вшытко виділ, вшытко знал, котрый виділ далеко вперед. Розумієся, што Ленін ясно виділ, што жде Россию по войні. Он виділ, што стара Россия паде жертвом пажерных империалистов и капиталистов, котрых он страшно ненавиділ, для борьбы с котрима посвятил ціле свое жыття. Для борьбы з ним он организовал партію большевиков и таким духом натхнул тоту партію, што каждый член был готовый на всяку жертву за освобождение и поправу долі бідного народа.

Коли стара Россия почала уж розвалюватися, коли армия тратила остатни силы на фронті, а в середині запанувала нужда и голод, коли Германія предлагала "союзникам" России ділити Россию, Ленін и його партія прогнали Керенского, а захватили власть в имени бідного народа, робочых и селян, для рад, або совітов робочых и селян и было организовано совітске, революційне правительство, правительство бідного народа, диктатура бідного народа, або диктатура пролетарията. Была установлена нова конституция, новы народны права, силом котрых были уневажнены всі привилегии пануючых до революции клясс, всі богатства тых клясс были национализованы, значит взяты на власность всего народа, його державы, так што

вся земля, земны богатства, копальні, фабрики, будовы -- словом цілый огромный маєток одной шестої части світа перешол на власность народов бывшой царской России, бо тоту Россию заселяло много народастей, не лем русский народ. Всі тоты другы народности получыли самоуправление в своих национальных спрахах и стали ровными членами Союза Советских Соціалистичных Республик (СССР), коротко Советского Союза.

Русска Октябрьска Революция (1917) была далеко менше кровава от других революций в истории человечества. Народ массово стал за совітську власть Нове сов. правительство роздало народу оружие для защиты своєї державы и своего народного правительства. Упривилегиованы кляссы за царского правительства, были народом зненавижены, так што ниякого опору среди народных масс найти не могли и сов. правительство в коротком часі завело бы порядок и взялося за устройство, будову державы, но капиталистичны правительства других держав постановили знищыти Сов. Союз, и так почался поход на тоту нову, молоду робочу державу зо всіх сторон. Но, як знаме, Сов. Союз оборонил свой новый порядок, всі интервенты были розбиты благодаря тому, што из одной стороны армии интервентов империалистов состояли тоже из бідного народа, измученного войном и тот народ не хотіл воювати против таких же бідных братов и готов был сам бунтаватися против своих панов, а з другой страны народы Сов. Союза показали таку завзятость в борбі з интервентами, што нияка чужа армия не мала охоты воювати с тымнародами. Што до царских генералов, котры организовали при помочы "союзников" России войну против революции, то они не могли опертися на народны массы при своих старых порядках, и мимо найсильнішой поддержки світовых империалистов и капиталистов, были розбиты и выгнаны за границу.

Індустрия.

И так народы Сов. Союза, под предводительством боль-

шевиков, оборонили свою робочу державу и єй конституцию, значыт тоты новы права, котры принесла им революция. Но мы уж знаме, што Россия мимо огромных земных богатств была дуже бідна индустріяльно, а за час страшной світовой войны и потом трилітной домової войны и интервенции и тата слаба индустрія и тото слабе газдовство было совсім знищене. И большевики добри розуміли, што така держава существовать не може, што при первом выгодном случаю капиталисты наложат свои лапы на тоту державу, на державу, котра посміла выламатися из под их законов, посміла забрати их маєтки в той державі, посміла выступити против всіх старых порядков світа. Така держава мусить быти знищена — думали капиталисты.

На счастя и капиталисты розділилися на дві партіи, што до того, як має быти знищена тата держава: Одни повідали, што треба знищити силом. Други повідали, што для знищыня той державы не треба ніякой армии, ніякої сили, лемнич ей не помагати, оставити самой собі, замкнути, отрізати от світа, а она сама знищиться, бо без помочы капиталистов ніяка держава существувати не може, хоць и промышленна, не то така гола держава, без индустріи, як Россия. Побідила тата друга партія капиталистов и оставили Сов. Союз самому собі и ждали, коли змучены народы Сов. Союза скинут сов. правительство и запросят капиталистов, чтобы им газдували.

Але и большевики того знали, што без индустріи соціал-соціалистична держава существувати не може. Ленин ясно и выразно заявил народу: Што або индустріализуют свою державу, догонят и перегонят индустріяльно капиталистичны державы, або треба им буде пропасти, т. є. попасти в лапы капиталистов.

Минувшого року, 1934, минуло 17 літ от дня революции, 17 літ сов. власти. Но 4 літа сов. правительство стратило в борбі против врагов той власти, так што народном господарком заниматься вшыткого якых 12 літ.

— За тоты 12 літ Сов. Союз выпередил в тяжкай ин-

дустриї всі европейські держави. За тоти 12 літ сов. правительство перетворило стару, бессильну Россию в перворядну державу, бо державу промислову. За тоти 12 літ сов. правительство зробило таку огромну роботу, на яку капіталістичні держави потребували 120 літ. Но тым державам було далеко лекше, бо банкири давали кредиты, капіталісти єдни другим помагали, щоби потом ділитися народним трудом.

Сов. Союзу не помагали ніякі капіталісти, ніякі банкири — бо як будуть помагати, коли им наперед повіли, що они не мають ніякого права до той держави и до її богатства и объявили, что будут боротися з нима за світове освобождение всіх народов от капитализма, за світову революцию.

Тоти заводы, фабрики, копальні, будовы, електричны станции, каналы, желізны дороги, всякы машины, от найделикатнійших моторов до великих паровозов и пароходов, будуєся о власных народных силах, його трудом и на його жертвах. Бо для той огромной будовы треба было заграницной помочы, помочы заграницной промышленности, треба было всяких машин и материялов, которых ищи у себе не вырабляли. Заграницны фабриканты на кредит не дали. Треба было платити золотом и заграницном валютом. Скади той валюты взяти? Треба было продавати заграницу такы товары, которы были потребны народу в середині. Треба было продавати пожыву, як хліб, масло, яйця, мясо, треба было отнимати собі от уст, а вивозити в Англию, Германію за машины. Народ в Сов. Союзі мусіл обходитися, мусіл затігати пояс, голодувати, щоби лем збудувати сильну державу, промышленну державу, бо розуміл, що іначе поневолят го заново.

Земледіліе.

Розумієся, что трудно припустити, чтобы весь народ Сов. Союза токо розуміл, что його правительство хоче його добра и свободы. Правда, сов. правительство клало

найбільший натиск на просвіту народних мас, старалося освідомити всіх громадян, щоби кождий розуміл справу, але то не так легко приходило побороти темноту, заосталості і неграмотність, які оставило в спадку царське правителіство. І пришли іщи великих труднощів в земледілії, таки труднощі, що враги СРСР були певні, що ту пришол конець соц. влади, що селянство скине соц. правительство і переможе, уничтожить всю роботу і права революції. Бо коли б селянство откинуло нову форму земледілля, колективного, масового, промислового земледілля, то в господарстві той першої соціалістичної, робочої держави, пришол би кризис, земледіліє остало би по старому, а промисленність по новому. Два порядки в одній державі не можуть бути. А тут були два порядки: Для селянина-собственника капіталістичний, а для промисленності, для робочих, соціалістичний. Для села старий порядок, для міста новий. Так остаточно не могло, бо стало би ся так, як предпovідали капіталісти, що соц. правительство і соц. порядки сами от себе мусят упасти. Зрештою, на що треба було будувати трактори, кто их буде употребляти, коли селянину на том фалатку, на пару моргах, трактора не потребно, не лем што не выплатит, але ани ніт где з ним обернутися, ани кто бы с таким машином знал обходитися, и на що, коли такий фалаток и будь-яким плугом зоре, плугом, который переходил з отца на сына и внука. Обробил собі кождий тот кусок землі так, як го отец научыл, а як не зародило, то бог виноватий.

А тымчасом промисленні центри росли, число робочих в промисленності зросло 5 раз, міста росли, потребували більше і більше хліба, м'яса, і все більше і більше будуть потребувати. В старій Росії поміщики продукували хліб масово, для своїх профітів, тепер поміщиків ніт і коли селянин заостане в земледілії, то вся держава заостане.

І, щоби з таким протидією села і міста, земле-

ділия и промышленности, покончыти, нова промышленность старому земледілию, місто селу, або робочы селянам предлагаю зробити по селах такий порядок, як и в містах, таій порядок завести в земледілии, як єст в промышленности.

— Мы — гварят робочы — робиме на заводі. Тот завод, на котром мы робиме, наша власность, не даякого там капиталиста богача. Он наш тот завод, и коли бы нам кто хотіл його отняти, то бы зме го убили. Але мы не розумієме тоту свою власность, собственность, так, што каждый з нас посідат даякий кусок того завода, даяке колеско з машины, даякий кусок, даякий єден приряд в заводі, и што каждый с тым прирядом може зробити, што лем хоче, може до дому взяти, до воды шмарити, бо с такой роботы не мали бы ниякой корысти, ниякого доходу, ниякой заплаты, заробку, ани народ, ни наша держава не мала бы ниякой силы при такой глупой газдовкі робочых. А так глупо выглядат ищи ваша земля. Чом вам не зробити з вашої землі таій сам завод, як наш завод, лем же мы в своіом заводі будеме робити и массово выпускать для вас тракторы, машины, а вы в своіом, земледільском заводі, при помочы машин, которы от нас получите, будете массово продукувати хліб и всяку другу пожыву для себе и для нас. При таком порядку и такой роботі, которая буде лекша, як каждому зособна, напродукуете дост хліба и для себе и для нас. И нам буде ліпше жыти и вам буде ліпше жыти и не наробитеся так тяжко, а будете богатшы . . . В противном случаю не утrimame мы своих заводов, а вы свойой землі, бо по наши заводы придут капиталисты, а по вашу землю вернут поміщики.—

Колхозы.

Тоту науку робочых много селян сейчас порозуміло, особливо бідных и средных селян и организували из своих земель коллективны, общы, вспольны газдовства. Знайти, зляли свои грунтины в один великий кус землі и

почали обробяти туту землю разом. Но гдекотры заостали, хоц и не богаче, а также богаты селяне, котры мали землі больше, не хотіли такого порядку. Не лем не хотіли такого порядку сами, але бунтували против и тых біdnіj-шых, котры вступили в колхозы, а кто не хотіл их слухати, тому мстили. Почалася велика борьба на селі нового порядку зо старым. Розумієся, што правительство стало по стороні тых, котры боролися за новый порядок, за колективне газдовство. Из одной стороны все больше и больше машин слало колхозникам, трактористов и инструкторов, из другой стороны в спорах колхозов с богачами, т. з. кулаками, брало все сторону колхозов, а кулаков слало на роботу в лісы. Было много жертв и из среды біdnіj-ных и середных селян, котры не могли порозуміти того нового порядку. Были и такы колхозы, што были организованы под давлением містных властей, котрых большинство не розуміло того нового порядку, не розуміло, як то можна робити вспольно. Стары порядки так в народі закоренилися, што селянин воліл робити за кусок хліба у поміщика, як потом на той самой, уж селянскій землі, для себе.

И правда, што много селян колхозников, цілы колхозы, котрых члены не розуміли нового порядку в земледілии и выгод того нового порядку — голодували, не потому, што вымокло, або высхло, а потому, што не хотіли на колективной землі робити. Я іхал з американским инженером, котрый робит в Ростові в заводі сель. хозяйств машин. Достал пару місячный отпуск и іде отвидіти родных в Америкі, на весну вертат назад. Так тот инженер росповідал, што был два роки тому назад в єдном колхозі и виділ, як селяне іли лободу, а коли был того літа, то уж іли білый хліб. Тот примір, то найліпше доказательство успіха колхозов. Было много колхозов, што дост набідувалися и наголодувалися, а то тоты, члены которых не могли порозуміти выгод колективного газдовства. Но много колхозов дораз первого року мали далеко боль-

ше хліба с того поля, як даколи, коли тото поле обра-
бляли кождый особно, по кусочку, а то тоты, которых чле-
ны дораз порозуміли выгоду колхоза. Тоты колхозы, а
тым самим селяне тых сел, стали богатыми, мають под
достатком хліба и гроша и каждый колхозник для себе
и колхоз, яко вспольне газдовство.

Там, где селяне уж порозуміли выгоду колхоза, за-
рабляют так, як николи в России ниякий робочий ни селянин
не зарабатял. Много колхозников получило минувшого ро-
ку за трудодень по пуді зерна (40 фунтов), а коли з до-
му робило пару людей, то за свою роботу получили в єд-
ном року больше, як вартало даколи ціле их господарство.

Такий колхоз управляет собі сам своим маєтком, через
свой выбраний уряд. Выбранный уряд смотрит за цілим
газдовством колхоза, смотрит, як и сколько дней котрый
член робит, опреділят справедливо трудодень так, што тот,
котрый ліпше трудиться, може в одном дню выробити два
трудодни, а лінівому часто выходит так, што мисит два
дни складати на єден трудодень. Коли зберут урожай, ма-
шина обрахує, сколько намолотили, выділят из урожая най-
перше за податок, потом от машин, на засів и на запас
для громады, а решту роспреділят по трудодням и каждому
дают столько, сколько трудодней выробил. Коли урожай
хороший, то за трудодень приходит больше, коли слаб-
ший, то менше. Розумієся, что до хорошого урожая при-
чynяється найбольше добра обработка землі, которую може да-
ти лем земледільска машина. И tota машина преконала уж
о том совітских селян за тоты минувши два роки, 1933
и 1934. Машина побідila упорство селян. Тепер они уж
видят, яка то велика выгода земледільска машина. И ро-
зуміют, что промышленный робочий и сов. правительство
хотят им добра.

Колхозне земледілие в Сов. Союзі раз на все побідило.
Сов земледілие стало соціалистичним, подобно сов. про-
мышленности, місто и село, промышленность и земледілие
Сов. Союза зливаются в одно соціалистичне хозяйство, га-

здовство, в сильну соціялістичну, промислову, землеробську, державу. Правда, при той великої будові, при том великому прогрессі переустрою — народны массы Сов. Союза вытерпіли велики недостатки, бо вшытко того збудовано народным трудом и жертвом, но Россия не лем спасена, не лем не пропала, а стала уж сегодня найсильнійшом державом світа. Єй сила росне с продукциєю її промышленності. А продукция росне. За час другої пятиліткы продукция сов. индустрии должна взрости 2 и пол раз. И як перва половина той другої пятиліткы показує, то того станеся.

“Мы” — “Наше”

Вы не потребуете іхати в Россию, штобы дознатися о рості сов. индустрии, преконатися, што там збудували велики заводы и фабрики, котры выпускают всяки машины и всяки товары, што Сов. Союз збудувал таку тажку индустрию, яком уж не може похвалитися нияка друга европейска держава, што там заведене нове индустриальне землеробство. Вшытко того можете дознатися ту, в Америці, из американской прессы. Коли не вірите робочої прессі и робочої літературі о индустриальном и землеробськом прогрессі Сов. Союза, берте буржуазну прессу и літературу, буржуазну статистику о той сов. будові и прогрессі. И они признают тоту будову индустрии и постоянный рост її продукции. Но они пишут, што ціла тата индустрия выбудована невольничим трудом, под террором коммунистов. Што всі колхозы заведены силом, против волі народа. Што сов. власть триматся лем террором, што массы народа Сов. Союза против сов. правительства и т. д. Што сов. правительство силом закрывают церкви, не позволяют молитися, переслідує всякую религию, што там пануют жиди и т. д.

Штобы дознатися правди о народі в Сов. Союзі, то треба там быти и говорити з людми, преконатися, што тот народ думат, як он смотрит на сов. власть и на коммуни-

стичну партію, котра руководила і руководить том цілом будовом. Ци он розуміє того, што твориться в його державі, ци не розуміє — ци працує і приносить велики жертви для державы сознательно, ци лем зо страху, под террором, як пишут враждебны С ov. Союзу газеты, особливо поповскы и фашисткы?

Тому, кто не бесідує по русски, дуже трудно довідатися туту правду в С ov. Союзі. Но тот, что бесідує по русски, а знає говорити з народом, легко може довідатися правды, хоц не іздит по цілой России. Тот больше може довідатися в одном вагоні, як другий, котрый не розуміє по русски, в свойой подорожы по цілой России. И мене найбольше интересовало то, як относится народ до своего правительства. Ци он стоит за свое правительство, ци он против совітской системы. А може уж змученый том великанском роботом, а при той роботі великыма жертвами и недостатками. Та-ж кромі большевиков никто недавно не хотіл вірити, што тоты планы, тоты задачы, якы поставило пред собом сов. правительство, могут быти выполнены, што русский народ вытримат тоты недостатки при тяжком труді.

В часі войны я говорил з одnym німецкым солдатом, котрый вернул из русского фронта. И я просился того німецкого солдата, як он смотрит на русского солдата. Німец гварит, што ніт такого солдата в світі, чтобы столько вытримал, як русский. Німецкий солдат ліпше дисциплінованый, але мимо свойой дисциплины не вытримат того, што русский солдат.

Вытримати, перетримати біду, недостатки, понести жертву для добра ближнього и будущого покоління — в характері русского народа. Той вытревалости русского народа треба завдячувати успіх той огромной перебудовы Старой России на Нову Россию.

Лем єм сіл на сов. пароход, сейчас почал интересуватися тым, як смотрит служба того парохода на свою со-вітську власть. Говорил с капитаном, правда, же не того

парохода, а другого, с тым самым капитаном, котрый был с пароходом "Комсомол" в Филаделфии. На нашем пароході іхал, яко пассажир. Он служыл и за царского правительства и тепер служыт за совітского. Повідат, што огромна разница. Што йому тепер тата служба приходит лекше, бо т. з. дисциplina го не обходит, дисциplinu на пароході тримают сами матросы. Они мают свои права, знают тоты права и смотрят, чтобы даякий товариш не преступил даяке право. Преступит раз, напомнут го и выпишут тото його преступление в стінной газеті. Преступит другий раз, упоминают го острійше и загрозят, что як ишы раз того повторится, то он престане быти их товаришом, и направду, коли третий раз преступит, тратит роботу и товарищей. Капитан им до того не мішатся. Така товарищеска дисциplina поставила русских матросов в моральном отношении и дисциplinі на первом місті в світі. Капитан гордо заявил, что коли из разных портов все полно скарг на матросов других держав на их буйство, пьянство, на совітских матросов нияки скарги не приходят.

Совітски матросы и друга служба парохода чувствує, что тот пароход, на котром они плавают, их власность и зато не треба их наганяти никому, чтобы тримали порядок. Каждый має свою роботу и каждый старается, чтобы тата його робота была якнайліпше выполнена. Я слідил цілый час за женщинами, як они смотріли цілый час за чистотом по коридорах, по каютах. В часі бури працували до 12 в ночы, а о 5-той годині рано уж вставали и зас бралися до роботы. Англійски, американски и французски робочы не могли начудуватися на русску женщину. Прошуся одной из них, ци така робота для ней не тяжка, ци не думат квитувати.

"Но, гварит, не тяжка. Муж робит и добри зарабят, хоче, чтобы я дома остала, але я хочу быти независима от него. Даколи дашто ся му звидит, друга ся му сподабат, тай буде до мене штуркати — а коли я працую, мы обое

ровны и коли верну до дому, то уважат мене, яко свого товариша. Даколи, за царского режима, жена была невольница мужа, и хоц ицы тяжше от мужа наробылася, муж ёй роботы не ціnil, ціnil лем свою роботу.—

— Та не хотите уж старых порядков? — прощуся ёй.

— Хоцбы нам пришло зубами боронити нового порядку, то го оборониме, а старого не хочеме! Правда, нам ицы трудно, але мы знаме, што приде ліпше, бо ліпше зависит от нас самых, от нашей роботы. Знаме, што як будеме робити, так будеме мати.

Говорил я с инженерами на том пароході, котры вертали из свойой заграничной практики. Всі ицы молоды люде, до 30 літ. Всі праві вертали из Америки, двох из Англии. И всі были рады, што вертают в Сов. Союз, мімо того, што в Америкі, ци Англии мали ліпши выгоды, як в Сов. Союзі. Они нияк не могли привыкнути уж до капиталистичной системы жыття, не могли зжытися з людьми с капиталистичном душом, не могли порозуміти заграничной молодежы, котра, по их мысли, цілком не дбат за свою будучность, за будучность своего народа и свойой отчизны.

Розговорился з женом, котра спрятувала в готелю. За свою роботу достає 100 руб. місячно. Не достане мяса по низкой ціні, ани молока, бо по причині браку тых продуктов мясо и молоко по низкой ціні могут достати лем робочы фабричны и тоты, што тяжко робят. Робочы, котры легко робят, мусят обходится до того часу, покаль и для них не буде, покаль не буде для вшытых.

И якже смотрит на тото tota жена?

— До 28 року, до начала пятиліткы, мы мали вшыткого дост. Але знате, як вы хотите справити собі пальто на зиму, вы мусите отложыти, мусите отняти собі от уст и наскладати на пальто, бо инакше будете в зимі терпіти холод. Так и мы робиме. Нам треба индустріи, бо без индустріи бы зме пропали. И мы обходимеся и не ропщеме (не нарікаме). И мы видиме, што уж найтяжшы недостат-

ки прешли, мы перетримали, а много збудували. Мы уж не боимся зими, бо уж маме пальто.

В Сов. Союзі вы мало услышите "я", "моє". Праві все чуєте "мы", "наше". Тото "мы" и "наше" доказує чудес:

От віков стояло на середині площади якисе старе муриско, може іщи татаре тото муриско почали бурити, но не дали им розбурити и оно так стояло и шпетило Москву до 1934. В 1934, пред 7 ноября, повіли собі студенты унивеситета, што тото муриско треба спрятати и очистити площадь до 7 ноября. И вышло до роботы 1000 студентов и на переміну прятали 3 дни и три ночи. И не лем спрятали муриско, але выровнали площадь и заляли бетоном. И то никто их до того не наганял, ани никто им за тутору роботу не заплатил.

Идеме коло библиотеки Ленина, на углу улицы огромна гора розвалин. Шуфлюют жены туту гору в троки. Ніт ищи тельо "штимшуфель", мусят ручными шуфлями шуфлювати. Гварит моя жена до мене:

— "Тоты жены не спрячут туту гору ани за три роки!"

Але преходиме тамади на четвертий день, а той горы уж ніт, лем вальцы ровнают росшырену улицу.

Тоты чуда робит тото нове чувство совітских граждан, котре они выражают словами: "мы", "наше". Такого чувства, такого розуміння ніт в других державах світа и зато в других державах депрессия. И не думайте, что приде конец депрессии даяким иным чудом, кромі того єдного: "мы", "наше . . .

Як долго людям будут мильши слова: "я" и "моє", як слова "мы" и "наше", так долго буде депрессия, безроботя и біда.

Стара и Нова Віра.

Нашых віруючых карпатороссов найбóльше грызе тото, што большевики уничтожают церков, замыкают и бурят храмы божы, забороняют правити богослуженія, преслідуют духовенство и т. д.

Яка правда о церкви в Сов. Союзі?

Правда tota, что в Sov. Союзі стара віра упадат, а с том старом віром упадат и церков. Не лем православна стара віра, але кажда стара віра народов Sov Союза упадат, упадат віра єврейска, магомеданска и всяки стары віры погански, которы сохранилися до революции среди сибирских племен. Місце тых старых вір занимат нова віра — єдна для всіх народов Sov. Союза — віра в счастье ту на землі. Тото счастье людей мают выкути собі сами люде, через справедливе устройство жыття, устройство свойой общей державы, через разработку земных богатств той державы. Тота разработка тых земных богатств має принести всім выгодне, довольне жыття.

Повідают, что всі стары віры так учат, что лем для даякой части людей, для кляссы людей, належытся легке, довольне жыття, а масса народа має страдати, работи на тоту упривилегировану кляссу. И так было в старой России, что тата стара віра была дуже выгодна и поплатна для царя, дворян, духовенства и богатой кляссы — а для народной массы тоты стары віры были якбы стіном, которая не допускала до народных масс науки, світа. Пануючы кляссы сами выробили из той старой віры таку стіну, которая засланяла народным массам світло, науку, правду.

Русска Революция не бурила церкви, храмы, не преслідувала и не преслідує стары віры народов Sov. Союза. Вшытко, что Русска Революция зробила, то тото, что разбурила тоту стіну темноты, которую выбудувал старый царский режим при помочы тых старых вір народов старой России. И коли тата стіна упала, народы старой России увиділи, что они были ошуканы пануючыма кляссами, что тоты пануючы кляссы употребляли тых старых вір лем для устройства лішшого жыття для себе коштом труда народных масс, что тоты стары віры они мали лем за орудие для вытисненя богатств из народов для себе.

И коли большевики, через просвіту, открыли тоту правду народным массам, народы Sov. Союза отвернулися от тых старых вір добровольно, не под примусом, як бесідуют

нам ту, за границом. Я думам, што коли бы большевики отбирали тоты стары віры силом, бурили церкви, боронили молитися до старых богов, то встрітилибы опор у народа. Но большевики того не робили и не робят. Большевики лем учат, а от той науки упадают стары віры.

Я виділ много, много церквей в Ленинграді и Москві. Никто не зрывал из них крестов. Стоят они як стояли. Но они або закрыты, або открыты яко музеи. Бурят церков, коли она стоит на дорозі даякой новой будові, як то робят и в Америці. Я виділ в Москві около 20 церквей из одного місця, но лем в найменшой церкви правили богослуженіе и в той церковкі было лем 10 стариков и старушок. Никто им не мішал, никто им не докучал, никто их не переслідувал.

Мы чытаме, што в Мексико, в Испанії, народ, долги вікі ошукованый духовниками, кинулся бурити и палити церкви. Русский народ показался культурным народом и того не робил. Он розуміє, што муры не виноваты, а виноватый старый режим, стара наука. Он розуміє, што с упадком старого режима и старой науки мертвы будовы не могут го поневолити. Он смотрит на них, яко на историчну памятку.

В Ленинграді стоят, як стояли памятники царей, в Москві на вежах Кремля и на державных будовах блищаця царскы орлы. Тото барз зачудувало западноевропейских робочых делегатов. Просится ёден молодого русского рабочого, чом они тото не спрячут. А тот зачудувано гварит:

— Таж то историчны памятки!

Нигде так не ціняться историчны памятки, як в Сов Союзі. Русска Революция не лем не знищыла историчных памяток русского народа, але привела их до порядку и ажи тоты, котры за царской России были скрыты, открыла для всего народа. Як за царя церкви, так тепер музеи полны народа. Много церквей замінено на музеи. Сов. гражданин розуміє тепер церков, яко музей. Коли я, при-міром, просился о церков в неділю, то мя спытали:

— Вам что? музей?

Разом зо старом віром народ совсім стратил дни ста-
рого тиждня. Никто вам не може повісти, який сегодня
день тиждня. Старий тиждень и його дни, имена тых
дней, в Сов. Союзі затрачены, мимо того, што сов. газеты
все ищи значат свои даты днем старого тиждня и числом
дня місяца, приміром: Вторник, 1 января 1935. Но народ
того не триматся. Робочий рахує час по дням місяца. Ка-
ждый сов. гражданин знає, який сегодня день місяца, як
из нас, в старом краю, на селі, каждый знал день тиждня,
но зато мало кто знал, який день місяца, мусіл посмотретьі
в календар. Так сов. гражданин мусить смотріти на газету,
щоби знал, який сегодня день старого тиждня. Бо новый
тыжден, робочий тиждень, там інший, 5 дней працуют,
а 6-й день — выходной день. А тот выходной день припада-
тут все в тоти дни місяца: 6-го, 12-го, 18-го, 24-го и 30-го.
Зато сов. робочий рахує и знає точно дни місяца. Коли
місяц має 31 дней, то сов. гражданин робит в тот 31-ый день.

Як они привыкли до того и як думают о том рахунку,
што то рахунок часу их, то подам примір:

В одну неділю входит в нашу комнату жена, котра
пряче в готелю и гварит:

— “Поздоровляю Вас з вашым заграничным праздником!”
И то не так, жебы хотіла з нас посміятися, лем шыро хо-
тіла нас привитати. У них, сов. гражданин, в Сов. Союзі,
инши праздники, а унас, заграницом, инши. Мы, по ей
розумінню, можеме собі свои праздники тримати, а они
будут свои. Коли вам, за границом, выгодны свои, стары
порядки, то собі тримайте стары, а мы собі установили
новы и будеме тримати новы.

Русский народ не хоче никому силом накидати свои
новы порядки. Там и в самом Сов. Союзі сут люде, осо-
бливо стары люде, котры ищи тримают стару віру, а ник-
то з них не смієся, не докучат им и не старается силом
переиначыти их на нову віру.

Том терпимостью можно объяснити тото, што русский

народ откинула Троцкого и Ко., который хотел накинуть революцию цілому світу, а стал єдинодушно по стороні Сталіна і тих лидеров, котри оставили другим народам самим выбрать революцию, або остати при старых порядках, а сами занялися будовом своєї державы.

Жыди в Сов. Союзі.

Кромі церковного вопроса в Сов. Союзі, нас карпато-rossов мучыт ицы жыдовский вопрос. Где лем обернемеся, то нам нашы патриоты бесідуют, што в Сов. Союзі пануют жыди, што жыди захватили власть над русским народом и мучат го, як мучыли Христа и т. д. Розумієся, што кто из нас лем кус думат, то тому не повірит, бо труdnо повірити, чтобы якых два-три миллионы жыдов панували над 170 миллионами, не лем русских, але и других народов Сов. Союза. Бо што, в таком разі тоты народы вартают?

Але они, тоты патриоты и наши протоєреи, знают, чом так бесідуют, они знают, што наш неграмотный, темный карпаторoss ненавидит жыда. Ненавидит того жыда найперше, яко іновірца, который даколи замучыл Христа. Хоц тот Христос тыж жыд был, але над тым темный чловек не думат. Ненавидит наш карпаторoss жыда ицы зато, бо тот наш, карпаторусский жыд, як наш карпаторусский поп, жыл з нашего народа, жыл шпекуляциом, а служыл агентом правительству, котре, ци то мадярске, австрийске, польске, все тому карпатороссу было врагом, угнетало го не лем соціально, але и національно, попросту старалося го знищыти. И карпаторoss знає того жыда, яко помочника того империалистичного правительства. Кромі того карпаторoss знає жыда, яко шпекулянта-торговца, который його, неграмотного, ошукал, недоважыл, вонхал пленный товар, роспил, приписал, продал грунт.

Та нам треба знати, што такого жыда в Сов. Союзі ніт! Тот наш, карпаторусский жыд-шпекулянт пропал в Сов. Союзі, он не має там права на жыття! Свою стару віру

жыд в Сов. России стратил, а принял нову віру, туту саму, што и други народы Сов. Союза, віру в ліпшу будучность в богату будучность массы. А што туту богату будучность для массы може принести лем общий труд той массы, розбудова, индустрія, жыд стал честным тружеником. Никого так русский народ ненавидит сегодня, як шпекулянта, никого так сов. правительство не переслідує, як шпекулянтов. Гніздо шпекуляции, то приватна торговля. Но приватна торговля в Сов. Союзі совсім выгасат. Торговля переходить совсім в руки державы.

Русска революция совсім знищила таке жыдовство, як мы розумієме, бо взяла жыдам гроши и вырвала им из рук торговлю, а запрятала их до роботы. Мы чытаме о жыдовских колониях на землі, о их колхозах, мы знаме, што много жыдов, котры были добрыма ремесниками, робят в сов. фабриках, яко перворядны робочы. Остальна часть, учены жыди, робят в офисах, многи занимают высоки міста, а то тоты, котры найспособнійшы на тоты міста. Але тот старый жыд, жыд-хусист, жыд-шпекулянт, в Сов. Союзі пропал раз на все. Он стал ровным гражданином, честным робочым, земледільцом, служащым сов. державы.

“Мы” в Сов. Союзі значыт всі разом народы, всі разом граждане, ніт поділу на религии, народы, рассы в гражданских правах. Тот поділ лем научный. Сов. граждане не одособняются по национальности, языку, вірі — а соединяются в одно “мы”, жыют разом, женятся єдны з другыми и так уж помішаны, соединены, што никто их не може розлучыти. А соединены они роботом, трудом для одной ціли, для ціли устройства ліпшого жыття. Кто оттігается от той ціли, то они не смотрят, ци он русский, ци жыд, ци грузин, ци татар — он их враг, кляссовый враг и такого врага нищат всі разом.

Зрештом нам не треба глядати приміров аж в Сов. Союзі. Мы можеме видіти и ту в Амерікі, што жыди робочы ведут завзяту борьбу з жыдами богачами, а наши протоєреи входят в союз з жыдами богачами против рус-

сских робочых и Сов. Союза. Богаты жыди им добры, до богатых жыдов чувствуют велику любов, лем до бідных чуют ненависть. А коли бесідуют нам, што в России пануют жыди, то лем зато, бо знают, што наш народ в старом краю был ошукуваный жыдами шпекулянтами. Но таких именно шпекулянтов-жыдов должен каждый робочий ненавидіти, а найбольше ненавидит их гражданин Сов. Союза, так их ненавидит, што их совсім выкоренил. Жыди шпекулянты остали ищи в капиталистичных державах и они союзники врагов Сов. Союза.

Така правда о жыдах в Сов. Союзі.

Кому добри, а кому зле в Новій Росії.

В короткости довідализмесь о тых перемінах, якы зашли в России через революцию. Мы мало интересувалися тыма перемінами. Нас найбольше интересує такий вопрос: Ци в России добри, ци в России зле? Каждого, кто вертат из Сов. Союза просимеся, ци там добри, ци там зле. Тото нас барз интересує. И єдны, котры приходят из Сов. Союза, повідают, што там добри и все ліпше, але то або приятелі Сов. Союза и той новой системы, або люде безсторонни. Попы, епископы и білогвардейці повідают, што там пекло. Члены коммунистичной партии оповідают, што там найліпше на світі. Так само пишут и газеты. Робочы газеты надзвичай хвалят, прогресивни видят дашто добре дашто зло, капиталистичны, фашистки, видят лем само зло. Однаково всі мусят признати, што Сов. Союз зробил огромный прогресс в индустріи и культурном поднесению народных масс. Лем врагы Сов. Союза повідают, што тата ціла будова и тата культура росне штучно, против волі народа, под террором большевиков, што ниякого воодушевления, ниякой охоты до роботы и будовы в народі ніт, а вшытко, што тот народ робит, то зо страху пред большевиками.

Тото, именно, не правда! А правда, што народны массы Сов. Союза сознают, што они робят и што хотят зробити. Тот план будовы и устройства их державы так прос-

тый, так зрозумілый, що кожному гражданину, а і школьним дітям понятний. Тот план понятний і врагам той нової державної системи, системи людского жыття. Розходить лем о тоТо, ци люде потрафят жыти в той системі, котра ставит на первом місті "мы", а лем на другом "я". Ци чловік може посвятити свое "я" на наше "мы". И тото мене интересувало найбóльше в Сов. Союзі.

7 ноября, на Красной Площади, я не виділ того "я". Може тото я стояло даде меже заграничными гостями, може даде ищи в бочной уличкі, але тата, выше 2 миллионна масса, котра переплыла, перелялася через Красну Площадь, то была одна, воодушевлена, соєдинена злята масса, пред котром лем одна ціль. То было одно великанське "мы".

И правда тата, што тым частичкам той массы, котры занедбали свое "я", а злялися в одно "мы", им жылеся в Сов. Союзі найліпше в світі. Но тоты, котры не могут жертувати своим я, бідуют, они сами одособняются от той массы и тратятся, тратят общу ціль, а свойой ціли в Сов. Союзі мати не могут. Приміром в капиталистичнай державі вы можете установити собі ціль, штобы быти богачом. Здаєся, што каждый гражданин кап. державы має тоту ціль, бо то найвысша ціль чловіка старой віры на світі: взбогатіти. Наскладати гроша, будувати дом красший от другого, два domы, три domы, штор, два шторы, чейн шторов, фабрику дві фабрики, банк, и т. д.

— Я мам, я купил, я збудовал, я доробился, я выграб — я богатый и вшытко мам, што лем душа забагне . . .

Так радуєся своима здобытками, своим богатством старий с капиталистичном душом чловік. То його радость жыття. На той радости жыття поодинокых способных талантливых людей взросли богатства в капиталистичных державах. Для той свойой радости жыття они запрягали миллионы народа, цілы массы робочых, штобы робили на тоты богатства, для радости жыття единиц. Бо не будме такы дурны, штобы зме думали, што капиталисты, богаче, розбудували индустрію из даякого патриотизма, або для добра робо-

чых, чтобы они мали где цента заробити на фалаток хліба. Но, они того богатство копили лем для свого я, для своєї радости жыття, а бідный робочий народ служыл им лем орудием для накопления того богатства для их радости жыття. А же бідный народ тоже даякой радости, хоцбы лем надії на радость потребувал, то обіцяли му радость по смерти.

Такой радости жыття, котра заключатся в слові "я", в Сов. Союзі больше ніт. Там радость жыття заключатся в слові "мы" . . .

— Мы збудували, мы выробили, мы открыли богатый штор, два, три, тысяч шторов — мы построили завод, два, три, сотки заводов, мы поорали, мы засіяли, маме урожай, мы перегнали капиталистов, мы будем богаты! . .

То радость жыття сов. гражданина. Он мало звертат увагы, яке он має убраня, ци модне, мало звертат увагы на свою квартиру, але зато звертат огромну увагу, сколько вчера вытоплено стали, выкопано угля, добыто нафты, выпущено тракторов, автомобилов, наладовано вагонов. Он уважат того вшытко за "наш", а тым самим и свой маєток, своє богатство и он тому богатству и його росту так радуєся, як каждый богач свому. Он знає, что разом з ростом того общого богатства и його жыття, разом з жытъем цілої массы, уліпшатся. Он так того вырахувал, што так буде, як 2 и 2 то 4. Он повідат, что капиталист так вырахувати не може и не може быти так певный своего богатства, як сов. гражданин в масці народа. Бо капиталиста може обанкротити його конкурент, а там их никто обанкротити не може, бо конкурентов в державі не мают. Правда, може им знищыти их труд, их богатство война, но они войны не хотят, а як дакто захоче з нима войну, то най попробуе!

— Мы войны не хочеме, але и никого не боимеся . . .

И тово правда. Такой правды не може сказать ни одна друга держава, бо в каждой иной державі "я" на первом місті, а "мы" на другом.

И тому, кто того розуміє, што выше виведено, в Сов. Союзі жити добри, так добри, што ліпше ніт на світі. Сов. школа, література, пресса, так научили думати массу сов. граждан, огромне большинство народу, а што до молодежі, то она все так думат. Так почала думати масса селянства.

Але коли вы того не розумієте и не чувствуете, лем под добром розумієте свои материяльны выгоды, свой комфорт, то вам в Сов. Союзі буде зле, всякому, кто прожыл в Америкі, а хоче жити в Сов. Союзі, приходит дуже трудно. Тоты материяльны тілесны выгоды, комфордт, дає индустрія, а што до индустріи, до ёй продукціи товаров для выгоды, для комфорту, то Сов. Союзу ищи далеко до Америки. Америка выкопала миллиарды тон угля, вытопила миллиарды тон желіза и вшытко того вошло в будову американской индустріи, котра дошла до надпродукции товаров. В Сов. Союзі брак товаров, брак будинков, брак комнат. Даколи в России массы народа жили просто, так як мы, наши селяне, в старом краю. Думам, что нашим селянам были доступнішы промышленны выробы, фабричны выробы, як русскому селянству в России, бо мы все-таки жили в индустріальной, западной Европі. А азийски народы старой России жили ищи в норах, переходили з міста на місто, кочували. Тепер уж в Сов. Союзі живеся массі народа далеко ліпше, як в Польши, робочым ліпше, як в западной Европі — но в Америкі, яко найвище индустріально розвитом краю, выгоды житя ліпши у робочого, котрый робит и має гроши. Американский робочий, котрый робит, може за свою плацу жити далеко выгоднійше, як совітский робочий, сего дня. Но сов. робочий обезпечений на случай болізни, безроботя, старости. Он не старается своїом личном будучностью, за його будучность стоит вся держава. Сов. робочий видит, што його положыня уліпшатся, коли ниякий робочий у капиталиста того не видит, напротив видит, што його условия житя погоршаются. Што-ж с того, што он сего дня робит, што живе в 5 або 6

румах, што му електрика світит, газ варит, форнес гріє, коли он не певний, ци то до смерти буде так тепло, світло, съто. Зависит то от його пана, а пан зависит от пропсперити, от депресии, от своего конкурента. Не лем робочий не певный тых скромных выгод, якы має, але и сам його пан, капиталист, не певный своих.

Сов. робочий позбылся той непевности. Йому належиться вшытко того, што має другий, што має держава, што має весь народ, а до народа належыт ціле огромне богатство державы. И сов. робочий знає певно, што як буде вдоволь товаров, вдоволь выгод, то и для него придется вдоволь.

Но тот робочий, котрый не выїжал нигде за границу, уж сегодня довольный, бо он уж сегодня жыє ліпше, як жыл пред тым. Он лішого не зазнал. Американец, в богатой во всякий товар и выгоды жытя Америкі, уж зазнал ліпше и трудно му привыкнути до горшого, ци то в Америкі, ци в Сов. Союзі. И ніт што чудуватися, што коли поїде в Сов. Союз американец, а лем так, чтобы работи, он не розуміє, не чувствує так, як тамтот народ, то такой американец буде скоро вертати и проклинати Сов. Союз, где треба работи, а за пейду не мож істи, спати, убера-тися так, як в Америкі.

Но діло не в том, ци даякому американцу там добри, а діло в том, ци добри там тому народу, што там жыє. А правда тота, што тому народу там ліпше, як было даколи и все с каждым роком условия жытя поправляются.

Бідуют там остатки старых упривилегиованих клясс и люде зо старом душом, котры того нового порядку нияк порозуміти не могут и не хотят. Но тых людей уж мало остало, бо многи из них дожывают своего віку, а други порозуміли и вмішалися в массу.

Пересічный робочий за границом не смотрит на тоты идеалы, котрый має пред собом сов. робочий. Приміром американский робочий интересується тым, ци там ліпши выгоды жытя для робочого як в Америкі. Уж было вспом-

нено, што выгоды жыття зависят от индустріи и от ёй продукції товаров для жыття. Само собом розумієся, што Сов. Союз в так коротком часі не мог дойти до той мас-сової продукції, до якой дошла американська индустрія. Таж недавно мы читали, што Сов. Союз покончыл первую пятилітку, тот фундамент индустріи и приступил до другої пятиліткы, до будовы правдивої индустріи, до ёй розвитя, до массової продукції товаров. Штобы сов. робочий мал тоты самы выгоды жыття, тоту саму массу всяких товаров, выгоду в домі, он мусить дойти в своих фабриках до такої массової продукції товаров, до якой дошла американська индустрія. В тот час сов. робочий буде жыти далеко вы-годніше, як американський робочий, бо кождому сов. ро-бочому тоты товары будут доступны в довольстві, не будут ограничены кризисом, безроботьем — бо тоты товары там вырабляются для ужытку человіка, для ужытку всей массы, а не для профиту, для взбогачыня єдиниц.

Коли Сов. Союз дойде до той массової продукції то-варов и каждый сов. гражданин буде мати ліпшу выгоду, як працюючы робочы других, капиталистичных держав, вто-ды не лем тоты робочы, што не робят, станут за нову си-стему державного господарства, але и тоты, што робят, и заведут у себе таку саму систему господарства, значыт со-ціалистичну. Тото розуміют дуже добри уж тепер про-тивники той системы и зато всіма силами стараются пере-шкодити Сов. Союзу в його будові, в розвитю индустрії при той новой системі. Зато зberаються з войном на него, зато высылают своих агентов для убийств лидеров сов. правительства.

Наша головна задача, перва задача, стояти в обороні той державы, не лем наша, але задача всіх робочых світа, бо успіх Сов. Союза, успіх той новой системы, не лем успіх Сов. Союза и сов. робочых, але успіх всей робочой, бідной кляссы світа.

Ваньо Гунянка.

Книжки в Редакции "Лемко"

1.	Мапа Лемковини на полотні	\$2.00
2.	" на папері	0.50
3.	Карпаторуський Букварь— Ваньо Гунянка	0.15
4.	Старий Край— Ваньо Гунянка	0.10
5.	Борьба за Національныи Права и Борьба за Соціальную Справедливость —	
	Дръ С. С. Пыжъ	0.10
6.	Мысли о Кооперации— Родный Лемко	0.10
7.	Прикарпатская Русь подъ Чехословакимъ Режимомъ — Дръ С. С. Пыжъ	0.10
8.	Сім Гріхов Головных — Ваньо Гунянка	0.10
9.	Збийска Полянка — Родный Лемко	0.10
10.	Лемковскы Выродки — Родный Лемко	0.10
11.	Прада о России — Ваньо Гунянка	0.10

ДРАМАТИЧНА БІБЛІОТЕКА

1.	Лемковске Весіля и Співанки	0.10
2.	Спаношене Хлопство	0.10
3.	Ицко Сват	0.10
4.	Муж Умер — Комедия — П. Ф. Телеп	0.10